

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873

Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения)

Л.И. Богданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13-14

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00053 «Перспектив грамматик русскогo языка для активныx речевыx действииx».

В статье рассматриваются оценочные характеристики лексики, которые получают отражение в русской грамматике. Идея семантической основы грамматики, выдвинутая и разработанная Анной Вежицкой, имеет продолжение, связанное с изучением роли и места оценочных смыслов в продуктивной грамматике русского языка. Деятельностный подход к описанию языка, принятый в настоящей работе, предполагает изучение роли субъективного фактора в русской грамматике. В данной статье отражены результаты исследования, связанные с анализом семантического пространства русских глаголов. Цель работы состоит в том, чтобы, выявив оценочные смыслы, важные для грамматики, показать, каким образом субъективный компонент значения глагола влияет на способ выражения его актантных позиций. В ходе исследования использовались методы и операциональные процедуры, включающие семантический анализ, элементы компонентного и фреймового анализа, приемы эквивалентных замен и трансформации контекстов, моделирование, лингвистический эксперимент и др. Работа выполнялась на материале толковых и синонимических словарей русского языка с привлечением данных Национального корпуса русского языка. В результате была установлена взаимосвязь интеллектуальных и эмоциональных оценочных характеристик глагола, имеющих выход в грамматическое пространство языка. Выявлено, что оценка (положительная или отрицательная), содержащаяся в глагольной семантике, влияет на синтагматическое поведение глагола избирательно, что требует дополнительных усилий в решении задачи по установлению тех семантических зон, где роль оценочного компонента в грамматическом оформлении актантных позиций оказывается наиболее значимой. Одной из таких семантических сфер является глагольная лексика, обозначающая отношение субъекта к собственным поступкам. Положительная или отрицательная оценка здесь оказывается значимой для оформления актантной рамки глагола. Полученные результаты позволяют поставить вопрос о выявлении вектора оценочной ориентации в русской грамматике. Изучение глагольной семантики в ее проекции на синтагматические свойства позволяет найти новый ракурс для раскрытия национально-специфического мировидения. Продолжение исследования в выбранном направлении могло бы способствовать развитию сравнительной аксиологии.

Ключевые слова: *деятельностный подход, национально-культурная семантика, оценочные смыслы, глагол, актант, субъективный компонент значения, семантика, синтагматика*

Evaluative Senses in Russian Grammar (on the basis of verbs of emotional attitude)

Liudmila Bogdanova

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, 13-14, Moscow, Russia, 119991

The research is financially supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR),
Project № 17-04-00053 «Prospectus of Russian grammar for productive speech activity»

Abstract

The article deals with the evaluative characteristics of lexis which are reflected in Russian grammar. The idea of semantic basis of grammar, created and developed by Anna Wierzbicka, has a continuation in the study of role and place of evaluative senses in productive grammar of the Russian language. The activity approach to the description of the language, adopted in this paper, involves studying the role of a subjective factor in Russian grammar. The article demonstrates the results of research aimed at the analysis of semantic space of Russian verbs. The aim of the work is to identify evaluative senses that are important for grammar and to demonstrate how the subjective component of the verb meaning influences the way of expressing its actant positions. The research has been conducted using the methods and operational procedures of component analysis, equivalent substitutions and context transformations, modeling and a linguistic experiment. The work has been carried out on the material of Russian dictionaries with the use of data from the National Corpus of the Russian language. As a result, the connection between intellectual and emotional evaluative characteristics of verb having an output in the grammatical space of the language has been established. It was demonstrated that evaluation (positive or negative), which verbal semantics contains, affects the syntagmatic behavior of the verb selectively and requires additional efforts in solving the problem of establishing those semantic zones where the role of evaluation component in the grammatical formulation of actant positions is the most significant. One of such semantic spheres is verbal lexicon which denotes the subject's attitude to his/her own actions. Positive or negative evaluation in this case is significant for making the verb actant frame. The obtained results let raise the question of identifying the vector of estimation orientation in Russian grammar. The study of verbal semantics in its projection on syntagmatic properties makes it possible to find a new perspective for the disclosure of national-specific worldview. The continuation of the research in chosen direction could contribute to the development of comparative axiology.

Keywords: activity approach, evaluation senses, verb, actant, subjective component of meaning, semantics, syntagmatics

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема содержания грамматики давно находится в центре внимания ученых. Последнее время русской грамматике было посвящено три крупномасштабных симпозиума (Москва—2016, Хельсинки—2017, Санкт-Петербург—2018), что невозможно считать случайностью. По-видимому, все отчетливее ощущается потребность превратить грамматику из классификационной, описательной в «активную», служащую для обеспечения речевых действий.

В грамматических описаниях трудно переоценить роль глагола. Глагол, как один из важнейших предикатов, определяет структуру типовой ситуации, задает количество актантов. Не случайно Люсьен Теньер метафорически обозначил ситуацию, описываемую глаголом, как «маленькую драму», в которой предикат

(глагол) — режиссер этой драмы, а исполнители семантических ролей (актанты) — участники разыгрываемого спектакля. Л. Теньер, отмечая значимость актантов для представления ситуации, писал: «Глаголы без актантов выражают процесс, который разворачивается сам по себе, и в котором нет участников. <...> Поднявшийся занавес открывает сцену, на которой идет дождь или снег, но нет актеров (Теньер 1988: 121—122). Семантические глубинные падежи с других позиций были рассмотрены в падежной грамматике Чарльза Филлмора (Филлмор 1981) и в работах Анны Вежбицкой (Вежбицка 1985).

Проблема соотношения глагольной сочетаемости и значения глагола детально исследовалась Ю.Д. Апресяном. Из его концепции следует, что, «фиксируя сходства и различия в синтаксическом поведении языковых элементов, <...> мы можем делать объективные заключения об их семантических сходствах и различиях (Апресян 1967: 24—25).

Впоследствии взгляды Ю.Д. Апресяна на эту проблему частично трансформировались (Апресян 2010: 289), однако представляется принципиально важным посмотреть на взаимосвязь семантики и синтагматики русского глагола со стороны семантической, чтобы, исходя из семантики глагола, выяснить, какие именно компоненты значения способны указывать на предпочтительный способ грамматического оформления актантных позиций при глаголе. Основы такого подхода были заложены в книге Анны Вежбицкой “*The semantics of grammar*” (Wierzbicka 1988), где излагаются взгляды на грамматику, связанные с идеей предсказуемости сочетаемости (морфологической и синтаксической) на основе анализа семантики слов и синтаксических конструкций. Семантический подход к сочетаемости позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом носитель языка способен держать в памяти ту огромную информацию, эксплицировать которую лексикографу удастся далеко не всегда (Падучева 1996: 20).

Продолжая изучение проблемы в этом направлении, обнаруживаем, что подход к изучению языка, связанный с переносом фокуса исследования на речевую деятельность участников коммуникации, безусловно, становится все более востребованным в XXI веке. Все более очевидной становится и мысль о том, что языковые описания, ориентированные на точно обозначенного адресата — либо слушающего (читающего), воспринимающего ту или иную информацию, либо говорящего (пишущего), строящего речевые произведения, — значительно отличаются друг от друга, поскольку имеют разные исходные данные и разные цели и задачи (Щерба 1974, Норман 1994, Милославский 2015, 2018; Богданова 2017). Л.В. Щерба, в трудах которого проблема содержания грамматики занимала большое место, писал о разграничении лексики и грамматики: «...все индивидуальное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи, — лексика <...>, все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единств высшего порядка — грамматика» (Щерба 1974: 41). Однако было бы заблуждением думать, что Л.В. Щерба представлял себе лексику как что-то бессистемное, беспорядочное, неорганизованное, напротив, он писал о «системе лексики» и о «правилах словаря» (там же).

Идея системной организации лексики, вопросы взаимодействия лексики и грамматики оказываются столь же значимыми для данной работы, как и мысль Л.В. Щербы о различении «активной» и «пассивной» грамматики. Концепция двух грамматик разрабатывалась ученым как ориентированная на практические задачи: он развивал ее в трудах по методике преподавания иностранных языков (Щерба 1974: 56).

В связи с развитием когнитивной лингвистики все острее ощущается потребность в последовательной разработке когнитивного подхода к созданию грамматики для продуктивных речевых действий — для говорения и письма. При этом представители когнитивного направления нередко высказывают мысль, что языковая картина мира строится в основном на данных лексикологии, так как именно лексика отражает те языковые аспекты, в которых в наибольшей степени проявляются творческие возможности говорящего человека (Lange 1985: 30). Грамматические значения, напротив, не могут свободно выбираться говорящим, поскольку «навязываются» ему системой языка. Однако связь познания и грамматики рассматривается во многих работах известных ученых (Лангакер 1977, Langacker 1991, 2000; Heringer 1984, Fillmor 1969, Fauconnier 1985, Галми 1999, Evans 2006, Jackendoff 2007, Колесов 2004, Норман 2013 и др.). Исследования ученых показывают, что анализ не только лексики, но и грамматики того или иного языка может привести к открытию «воплощенных в языке аспектов культуры», отраженных человеком в процессе познания мира (Gladkova, Larina 2018: 513). По словам Б.Ю. Нормана, «грамматические единицы и связи в концентрированном виде хранят когнитивный опыт предшествующих поколений <...>, позволяют носителю языка упорядочить, привести в систему новую, только что полученную информацию» (Норман 2013: 34). И в этом плане глагол, концентрируя в себе информацию об участниках типовой ситуации и частично отражая фреймовую структуру ситуации, способен закреплять в своем значении основные черты будущего сценария, служащего основой для порождения высказываний. В психолингвистических концепциях речевой деятельности особое место отводится предварительному этапу порождения высказывания, этапу, когда формируется своего рода эмбрион будущего речевого сообщения. В процессе порождения речи и ее восприятия большую роль играет память. Согласно концепции Вальтера Кинча, хранящиеся в памяти элементы лексико-семантической сети включаются в высказывание через пропозицию, которая состоит из предиката (глагола) и определенного количества аргументов (актантов) — единиц типа субъект (агенс), объект (пациенс), инструмент, источник, цель и т.п. (Kintsch 1977). Актанты, представляя собой «концептуальные архетипы», в соответствии с «моделью бильярдных шаров» Рональда Лангаккера, динамически взаимодействуют между собой в процессе построения высказывания, при этом один из элементов, вытесняя другой, может становиться на его место (Langacker 2000).

Грамматика русского языка для конкретно обозначенных речевых действий и участников коммуникации не может не учитывать роль и место субъективного

фактора в оформлении актантных позиций в процессе построения высказывания. Роль оценки в описании грамматики для рецептивных и особенно продуктивных речевых действий на русском языке к настоящему моменту исследована еще недостаточно.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы, выявив в семантике глагола оценочные смыслы, важные для грамматики, показать, каким образом субъективный компонент значения глагола влияет на грамматический способ выражения его актантных позиций.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили глаголы эмоционального отношения, извлеченные из толковых и синонимических словарей русского языка (Даль 1999, МАС, НСС и др.). В центре внимания была глагольная лексика с оценочным компонентом значения. При отборе лексики для анализа в выбранном направлении из оценочно ориентированных параметров (Kluckhohn, Strodtbeck 1961) в качестве критерия был выделен параметр, связанный с взаимоотношениями между людьми, признаваемый большинством исследователей наиболее значимым для русской культуры. Таким образом, в настоящей статье преимущественно анализировались те лексические единицы эмоциональной сферы, которые, имея непосредственное отношение к указанному параметру, требуют обращения к речевому и неречевому поведению человека в его оценочной интерпретации (Бартминьский 2005: 125).

В связи с тем, что в статье исследовались и проявления оценочного согласования и рассогласования между значением глагола и лексическим выражением актантных позиций при нем, в сферу анализа и оценочной интерпретации были включены также имена, обозначающие участников коммуникации, входящих в актантную рамку глагола, прежде всего в тех случаях, когда необходимо было сформулировать правила запрета на то или иное лексическое заполнение позиций.

Анализ языкового материала проводился с учетом взаимодействия различных методов исследования. Основой для сделанных выводов послужил индуктивный метод, состоящий в изучении семантики конкретных глаголов и их синтагматической проекции, в систематизации и обобщении данных. Семантика глагола изучалась с помощью дефиниционного и компонентного анализа, а также при сопоставлении структуры фрейма и актантной структуры глагола была использована методика фреймового анализа (Minsky 1975, Lakoff 1986, Fillmore, Atkins 1992). Сопоставительный подход к изучению глагольной семантики был применен при сравнении глагольных значений одной семантической группы с целью выявления «селективных» компонентов, выводящих в синтагматику. Метод сознательной индукции дополнялся там, где это было необходимо, интроспекцией.

Наряду с индукцией в работе использовался и метод дедукции. Полученные результаты уточнялись и верифицировались с помощью различных операциональных процедур, среди которых подстановка, трансформация контекстов, эквивалентные замены, лингвистический эксперимент, состоящий в конструировании мини-контекстов по заданным параметрам с целью выявления особенностей син-

тагматического поведения глаголов, а также границы возможных преобразований в оформлении актантных позиций. При выделении диагностических признаков, указывающих на тип синтагматического распространения глагола, в работе была частично использована теория естественного семантического метаязыка, разработанного и реализованного на практике Анной Вежицкой (Вежицкая 1996, Вежицкая 1999, Wierzbicka, Goddard 2014; Wierzbicka 2018).

Сделанные наблюдения и выводы иллюстрировались и подтверждались примерами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), из СМИ и художественной литературы.

3. ЭМОЦИИ И ОЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

В современной лингвистике изучение эмоций — одна из важнейших исследовательских проблем [см. об этом подробнее: (Alba-Juez & Larina 2018)]. Отражение чувств и эмоций в языке имеет выход в построение грамматики для речевых действий, поскольку эмоции в общении важны и для говорящего, и для слушающего: выбор синтаксических конструкций и точных слов, обозначающих эмоции, обеспечивает возможность конструктивного диалога. Исследования в области культурной семантики показали национальную специфику отражения эмоций в лексике. Анна Вежицкая в своей концепции исходит из того, что каждый язык образует свою «семантическую вселенную». Не только мысли могут быть «подуманы» по-разному, но и чувства могут быть «почувствованы» по-разному в рамках языкового сознания различных культур (Вежицкая 1996, 2005; Wierzbicka 1999; Wierzbicka 2018, Зализняк 1992). Способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит «от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык» (Вежицкая 1999: 505). Каждый человек, независимо от языка и национальной принадлежности, испытывает эмоции, но проявление эмоций, их характер и интенсивность, функции и оценки имеют национально-специфичные культурно закреплённые особенности, что находит отражение в дискурсе и формирует коммуникативные этностили (Ларина 2013, Larina 2015, Larina, Mustajoki, Protassova 2017).

При изучении эмоций важными и значимыми могут становиться различные элементы их структуры. Так, в частности, ценным инструментом изучения содержания эмоций является построение ассоциативного (семантического) гештальта (Караулов 1998; Балясникова, Уфимцева, Черкасова, Чулкина 2018).

Обращение к прототипам, выявление когнитивного сценария, отражающего сложную структуру эмоции, дают много сведений для определения тонких нюансов в проявлении чувств и эмоций, обозначенных близкими по значению словами, для понимания различий в концептуализации эмоций в разных языках (Вежицкая 1999: 508—610; Wierzbicka 1999, Wierzbicka 2018; Волкова, Панченко 2018: 176—177).

Цель настоящей работы, ориентированная на связь семантики и грамматики, обусловила обращение при характеристике эмоции к следующим параметрам, способным, по нашим наблюдениям, оказывать то или иное влияние на синтагматическое поведение глагола: 1) оценка — положительная или отрицательная;

2) продолжительность — длительная или кратковременная; 3) интенсивность — слабая, средняя, сильная (Schwarz-Friesel 2015). Из этих трех параметров наиболее значимым в указанном аспекте является оценка. Как отмечают исследователи, «различные попытки определения эмоции, будь они из области психологии или лингвистики, всегда имеют одно общее сходство — наличие оценочной составляющей понятия» (Alba-Juez & Larina 2018: 23). Именно оценочная составляющая эмоции и оказывается в центре внимания данной работы.

В современной лингвистике оценочность понимается как свойство языковой единицы, связанное с установлением ценностного отношения со стороны субъекта речи к объекту. Оценка, передавая субъективный план речи, как правило, выражает одобрение или неодобрение, которое говорящий субъект вербально или невербально обозначает по отношению к какому-либо объекту в широком смысле. Роль оценочного компонента в языке рассматривалась в трудах Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1998), Е.М. Вольф (Вольф 2002), Н.В. Уфимцевой (Уфимцева 2001), В.Н. Телия (Телия 1996) и др. В работах Анны Вежицкой показана связь между оценочным компонентом слова и его синтаксическими функциями в составе высказывания (Вежицкая 1982). Для решения задач настоящего исследования представляется существенным содержательное различие «внешней» и «внутренней» оценки (Булыгина, Шмелёв 1994).

«Внешняя» оценка требует «взгляда со стороны», связана с определенной интерпретацией значения, что нередко отражается в коммуникативных характеристиках слова, в его стилистической маркированности. Так, например, глаголы *бахвалиться*, *глумиться* — это слова, имеющие внешнюю отрицательную оценку, которая, как правило, фиксируется словарями с помощью помет (Богданова 2017).

«Внутренняя» оценка инкорпорирована в глагольную семантику. При этом слова «внутренней» высокой самооценки одновременно являются словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, что обнаруживает одно из правил «наивной» этики по Ю.Д. Апресяну (Апресян 1995): русский языковой коллектив негативно воспринимает высокую самооценку субъектом своих поступков, свойств, качеств (так, например, *хвастаться*, *зазнаваться* — это слова высокой внутренней самооценки субъекта и одновременно слова низкой внешней коллективной оценки). Таким образом, и внутренние, и внешние оценки будут предметом рассмотрения в настоящей работе.

3.1. Эмоциональные и ментальные глаголы в русском языке: грустные размышления о прошлом

В ценностно-смысловой универсум русского языка обоснованно включается такая семантическая характеристика, как **эмоциональность**, понимаемая как свободное изъяснение чувств (Вежицкая 2001; Ионова, Ларина 2015; Alba-Juez, Larina 2018 и др.). Как уже неоднократно отмечалось, русский язык, в отличие от английского, богат «активными» эмоциональными глаголами, а для английского языка, напротив, более характерна адъективная или причастная модель. В этом, по словам Анны Вежицкой, проявляется особенность русской культуры относить «вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой

речи» (Вежбицкая 1996: 43). В русском языке многие эмоции осмысляются как внутренние действия, а не состояния (Wierzbicka 1999: 18).

Анной Вежбицкой было замечено, что многие «эмоциональные глаголы» — в отличие от прилагательных — способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом *о* (*об*, *обо*). Этот факт служит аргументом в пользу того, что эмоциональные глаголы связаны с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс (Вежбицкая 1996: 42).

Наличие данной связи получило интересную интерпретацию в следующем примере, демонстрирующем национальные особенности проявления грусти, имеющей характер размышления:

— *Чего загрустил?* — *Я не грущу, я просто думаю.* — *Он рассмеялся.* — *Почему у нас, если кто-нибудь задумается, считается, что он грустит?* (К. Симонов, ССин).

Рассмотрение глаголов эмоциональной сферы позволяет установить, что в русском языке интеллектуальные и эмоциональные оценки нередко взаимосвязаны и взаимообусловлены, что, в частности, проявляется и в синтагматическом поведении глаголов. Так, например, оценка событий прошлого как отрицательных основана не только на эмоции, но и включает в себя интеллектуальный элемент, именно поэтому глаголы указанной группы так же оформляют позицию актанта-каузатора эмоции (и одновременно ее содержания), как и глаголы ментально-речевой сферы:

горевать о случившемся — думать о случившемся;
грустить о прошлом — размышлять о прошлом;
печалиться об утратах — рассуждать об утратах.

Это наблюдение подтверждают и многочисленные примеры из художественной литературы:

Она со страстной осязательностью сокрушается о прошлом (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Я не крушуся о былом, — *Меня оно не усладило, Мне нечего запомнить в нем, Чего б тоской не отравило* (М. Лермонтов, РСС).

В наш век расплодилось множество плакс, которые обо всем горюют и скорбят (А. Герцен, ССин).

Душа грустит о небесах (С. Есенин).

Обо мне не тужи (Л. Толстой).

Негативное эмоциональное состояние по поводу прошлых событий, которое передается в русском языке с помощью лексически богатого и стилистически разнообразного ряда глаголов (*грустить*, *печалиться*, *тосковать*, *сокрушаться*, *кручиниться*, *горевать*, *скорбеть*, *тужить*, *страдать* и др.), может быть вызвано как ситуацией прошлого со знаком минус, так и ситуацией со знаком плюс, обозначающей то, что безвозвратно утеряно и, следовательно, может приводить к печальным размышлениям (Зализняк 1992: 115—116).

Оформление актанта позиции объекта-содержания при глаголах негативного эмоционального чувства-размышления о событиях прошлого и лексическое

заполнение этой позиции с помощью слов, отражающих негативную оценку случившегося, иллюстрируют следующие примеры:

Когда я вошла в комнату, Ирина Николаевна сокрушалась о своей беде, случившейся с ней накануне (ТИСРГ).

Не могу сказать, очень ли тужила она о разрушившихся мечтах насчет Лизаветы Николаевны (Ф. Достоевский, Бесы).

Я не видел кузнеца, когда он сидел на крыльчке в тоске, печалась об ушедшей силе (О. Шестинский, ССин).

Однако в позиции, обозначающей каузатора эмоционального состояния, могут быть слова, называющие не только негативные, но и позитивные события, качества, периоды жизни. Ср.:

грустить о счастье — грустить о несчастье;
скорбеть о молодости — скорбеть о старости;
горевать о красоте — горевать об уродстве.

Такая «двойная» сочетаемость обусловлена глубиной концептуализацией каузатора, которая на поверхностном уровне оформляется одинаково благодаря компрессии. «Хорошие» качества, явления вызывают грустные размышления, если они неповторимы, уникальны и утрачены безвозвратно:

грустить о прошедшей молодости — грустить о молодости;
тосковать о былом счастье — тосковать о счастье.

Ср. также:

...Петр Александрович вечно тоскует о ней, о ее душевном спокойствии (Ф. Достоевский).

Чаще всего слова позитивной семантики, замещающие объектную валентность содержания данных глаголов, нуждаются в определении, подчеркивающим, что это «хорошее» осталось в прошлом:

тосковать об утраченном душевном спокойствии;
страдать об ушедшей любви;
горевать о пролетевшей юности;
скорбеть о несбывшихся мечтах.

Глаголы *скучать* и *тосковать* содержат в своей семантике компонент 'испытывать дискомфорт от отсутствия **контакта** с тем, что субъект оценивает в целом как *что-то хорошее для себя*', поэтому объектная валентность при этих глаголах не может заполняться словами негативной семантики. Ср. невозможно: **скучать о несчастье* (при возможном: *горевать о несчастье*); **тосковать о старости* (ср. *сокрушаться о старости*).

Глаголы данной группы допускают вариативное оформление объектной позиции (с предлогом **по** или с предлогом **о**):

Катерина о муже горевала, плакала (И. Бунин).

Ср.: Катерина **по** мужу горевала.

Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Нице (Л. Толстой, Анна Каренина).

Ср.: Оказавшись в городе, он **скучал о деревне**, о деревенской жизни, свободной от условностей и формализма.

Однако необходимо отметить, что оформление объектной позиции с помощью предлога **по** более выразительно, чем вариант **о ком**, если речь идет о неразделенной любви, об умершем человеке, об особой интенсивности или уникальности эмоционального переживания:

*Разве не видит она, как он **томится по ней*** (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

*Вдова дяди Акима Марья Петровна, **убивавшаяся по мужу**, ... подводила к гробу гостей* (Соколов-Микитов, Детство).

*Помрешь, — соберут наскоро, чужой рукой..., никто-то не благословит тебя, никто-то **не вздохнет по тебе*** (Ф. Достоевский, Записки из подполья).

*Я думаю, что ты будешь таким писателем, какого еще не было, и Россия будет **изнывать по тебе*** (В. Набоков, Дар).

Значительно большую выразительность и значимость предлога **по** (в сравнении с предлогом **о**) в данном случае частично объясняет тот факт, что при глаголах со значением ‘плакать ритуально’ (при старинном обряде похорон) оформление объекта с помощью предлога **по** является единственно возможным способом выражения данной актантной позиции, вариативность исключается: *голосить* (разг.) *по покойнику*; ср. *голосить о покойнике* — в значении ‘кричать, сообщать’; *причитать* (разг.) *по почившему* (ср. в другом значении *причитать о пропаже денег*); *вить* (разг.) *по умершему* (в XIX веке была возможна сочетаемость с предложным падежом — *по покойном, по умершем*):

*Родные **по Прокле завыли**, по Прокле семья **голосит*** (Н. Некрасов, Мороз, Красный нос).

***Вить по мертвому**, или **причитать**, считалось тогда необходимостью, долгом* (С. Аксаков, Детские года Багрова-внука).

*Женщины **голосили по обреченным на гибель кораблям**, как по покойникам* (К. Паустовский, Черное море).

Вопили в деревне охотно..., у баб много было причин ***голосить и плакать*** (Ф. Гладков, РСС).

Сопоставление двух отрывков из произведений А.С. Пушкина и В.В. Набокова также указывает на экспрессивность предлога **по**, способного выразить интенсивность чувства.

*Под небом Африки моей **вздыхать о сумрачной России*** (А.С. Пушкин, Евгений Онегин).

*В горах Америки моей **вздыхать по северной России*** (В.В. Набоков, Другие берега).

Для Владимира Набокова возвращение на родину было невозможно, поэтому свидание с Россией для него было так же нереально, как встреча с умершим человеком. Выбор формы обозначения объектной позиции здесь далеко не случаен, в строке В. Набокова подчеркивается интенсивность эмоционального переживания. Ср. также:

*И **тоскуют** впадины ступней **по земле** пронзительной твоей* (В.В. Набоков, К родине).

3.2. Глаголы, обозначающие кратковременные эмоции: синтагматическая проекция

Как доказано многочисленными лингвистическими исследованиями, отрицательные эмоции чаще являются предметом обозначения в языке, чем положительные. Тем не менее, положительное эмоциональное отношение к событиям прошлого, конечно, находит отражение в русском языке, при этом характерным является то, что глаголы указанной семантики, как правило, не могут присоединять соответствующий актанта в форме **О + предложный падеж** при обозначении событий, относимых к прошлому. Ср. невозможно:

*радоваться о случившемся; *веселиться об успешном завершении дела; *ликовать о победе.

По-видимому, радость столь мимолетна и скоротечна, что не может служить объектом для глубокого анализа и размышления. Ср. высказывание Виктора Астафьева:

Радость кратка, преходяща, обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна... Радость всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше ее (В. Астафьев, *Царь-рыба*).

Эмоциональное состояние человека может быть не только длительным, протяженным во времени переживанием — размышлением (ср. *горевать, тосковать*), но и непродолжительным, импульсивным, кратковременным актом (ср. *удивляться, поражаться, огорчаться, радоваться*). Такое эмоциональное состояние субъекта вызвано, как правило, каким-либо неожиданным для него событием, имеющим характер приятного или неприятного «сюрприза».

Объект — каузатор при данных глаголах ‘удивления’ оформляется с помощью **дательного падежа без предлога**: *удивляться другу, письму, терпению; поражаться переменам в жизни; изумляться новостям; умиляться детской любознательности* и т.д. В объектной позиции происходит компрессия, свертывание пропозиции неожиданной для субъекта ситуации. Примеры из НКРЯ демонстрируют эту закономерность:

Я обрадовался встрече, потому что давно уже хотел познакомиться с настоящим филологом, у меня, сына учительницы русского языка, обнаружили провалы в знаниях (Анатолий Азольский. *Диверсант* // «Новый Мир», 2002).

Ср. Я обрадовался тому, что встретил его...

Однако Щукин несколько не удивился вопросу, он и сам давно думал о том же (Сергей Носов. *Грачи улетели*, 2005).

— *Господи, когда это ты успела? Поражаюсь твоей энергии* (В.П. Аничков. Екатеринбург—Владивосток, 1934).

И она не удивилась появлению самого Сандрика, будто они встречались тут каждый день (Анатолий Приставкин. *Дядя Тумба магазин*, 1992).

Подруга, недавно получившая пенсионный расчет, так изумилась запечатленной в нем цифре, что немедленно прислала эсэмэску: «На памперсы хватит, на костыли уже нет» (Александр Тимофеевский. *Пенсия* // «Русская жизнь», 2012).

По пути домой я вспоминала встречу, сценарий и изумилась фамилии режиссера — Аскольдов, забавно... «Аскольдова могила» (Нонна Мордюкова. Казачка, 2005).

Потом Матильда пригласила их на террасу, они выпили кофе с засахаренными фруктами, и снова Армик Тиграновна умилилась детским воспоминаниям об этом сухом варенье (Людмила Улицкая, Медея и ее дети, 1996).

Я не очень огорчился подобной проволочке, так как люблю этот городок, его мирную и ясную жизнь (Н.С. Гумилев. Африканский дневник, 1913).

Оформление объектной позиции (дательный падеж без предлога) в данном случае не зависит от того, является ли эмоциональное состояние, вызванное тем или иным неожиданным событием, позитивным или негативным. Ср.: *огорчаться неудачам* и *радоваться успехам*. Однако различия в синтагматическом поведении «позитивных» и «негативных» глаголов все же имеются. Так, в частности, если глагол обозначает негативное импульсивное состояние, то объектная позиция при нем не может заполняться словами, обозначающими лицо: нельзя **огорчиться другу, брату, девушке*, хотя можно *обрадоваться другу, брату, девушке*, т.е. их приходу.

Один и тот же глагол эмоциональной сферы может выступать в разных значениях, т.е. обозначать и длительный процесс, и кратковременный акт. Ср.: *печалиться о прошлом* и *печалиться известиям из дома*, при этом некорректно **печалиться прошлому* или **печалиться об известиях из дома*. Разные значения «разводятся» не только с помощью разной сочетаемости, но и с помощью словообразовательных средств, в частности префиксов *за-* и *-о* со значением начала:

печалиться — опечалиться новостям, но печалиться — запечалиться о прошлом.

Ср. также вполне корректное высказывание: *Она всю зиму прогоревала о пропаже* и некорректное обозначение ситуации: **Она всю зиму проогорчалась пропаже*.

Значение ‘импульсивности’, как правило, препятствует свободному выражению идеи «начинаемости» (лексический параметр Incer — в терминологии словаря ТКС) при глаголах с таким семантическим признаком. Ср.: *Она начала сокрушаться об этом*, но нельзя **Она начала огорчаться этому; Она начала горевать об этом* при невозможности **Она начала поражаться этому*. Некорректно также **заизумляться, *заогорчаться, *запоражаться* чему-н. при нормативных *загрустить, затужить, затосковать* о чем-н.

3.3. «Статусность» в культуре и ее отражение в актантной рамке глагола

Грамматика, «вписанная» в широкий культурный контекст, способна обнаружить закономерности, скрытые от прямого наблюдения. Ряд параметров «измерения» культур, выдвинутых в рамках изучения культурного разнообразия, может оказаться полезным при наблюдении за синтагматическим поведением глаголов. При создании активной грамматики, на наш взгляд, важно учитывать косвенное воздействие на грамматику социальных и ценностных характеристик, выявленных в классификациях культур Герта Хофстеде (Hofstede 1984, 1991), Эдварда Холла (Hall 1976), Флоранс Клакхон и Фреда Стродбека (Kluckhohn,

Strodtbeck 1961) и реализованное, в частности, в сопоставительных исследованиях Т.В. Лариной (Ларина 2013, Larina 2015).

Один из значимых параметров в этом аспекте — Дистанция Власти (PD), проявляющаяся во всех типах взаимоотношений (дети — родители, ученики — учителя, подчиненные — руководители). Практически во всех культурах эти отношения асимметричны, но степень асимметрии может быть разной. Согласно теории Г. Хофстеде, культуры могут иметь высокую вертикальную дистанцию, при которой отношения строятся на подчинении, с учетом статуса по возрасту и социальному положению, и низкую вертикальную дистанцию, когда существующее неравенство минимизируется в коммуникации (Hofstede 1991). Русская культура в этом плане может быть охарактеризована как «статусная», с высокой вертикальной дистанцией. Этот культурно значимый признак получает косвенное отражение в русском языке. Семантика глагола, демонстрируя иерархию социальных, статусных отношений в обществе, в проекции на его синтагматические свойства дает интересные результаты.

Эмоциональное отношение к людям в русской культуре нередко определяется статусом лиц, вступающих во взаимодействие. Глаголы эмоциональной сферы могут иметь семы «снизу — вверх» и «сверху — вниз», которые находят отражение в грамматике, так как влияют на выбор формы актанта. Отношение к человеку в соответствии с иерархией по статусу, таким образом, оказывается важным признаком, релевантным для синтагматики. Если субъект воспринимает лицо, каузирующее его эмоциональное состояние, как человека, стоящего в каком-то смысле выше, чем он, то отношение к такому лицу можно условно обозначить как отношение «снизу — вверх», при этом объектная актантная позиция, открываемая данным глаголом, будет выражаться с помощью предложно-падежной формы **перед кем**: *благоговеть; неметь; трепетать, склоняться, падать ниц, преклоняться перед кем — чем*.

При высокой самооценке субъекта отношение к лицу-каузатору можно определить как отношение «сверху — вниз». Наличие в значении глагола данного дифференциального семантического признака требует оформления соответствующей актантной позиции (для обозначения лица с более низким статусом) с помощью предложно-падежной формы **над кем**: *смеяться, подсмеиваться, насмехаться, насмешничать (разг.), иронизировать, подшучивать, издеваться, глумиться, изыматься, изгаляться (разг.) над кем — чем*. Синтаксическое поведение данных глаголов организуется, по словам Б.Ю. Нормана, в соответствии с первоначальной метафорой иерархии: кто-то ощущает себя выше кого-то/чего-то (Норман 2013: 49). Несмотря на значимость статусных отношений, в позиции объекта насмешки может оказаться и лицо, обладающее в социальной или возрастной иерархии более высоким статусом, чем субъект. Так, например, дети могут смеяться над стариками, ученики — насмехаться над учителем, подчиненные — над начальником:

Зачем ты часы у страны отобрал? Шантан смеялся над властью... (Александр Кабаков, Путешествие экстраполятора, НКРЯ).

Объектом насмешки, как нетрудно предположить, чаще всего бывает отрицательно оцениваемое субъектом явление, качество, человек. Однако заполнять эту позицию могут как слова отрицательной, так и положительной оценки. Согласно идее Анны Вежбицкой, оценочные наименования, которые обладают функцией «прагматических операторов», можно рассматривать как инородные элементы по отношению к структуре высказывания. Это своего рода скрытые цитаты, отсылки к прошлым высказываниям: «существенная часть содержания этих предикатов затрагивает не обозначаемое лицо, а отношение между этим лицом и говорящим, а точнее говоря, отношение говорящего к тому лицу, о котором идет речь» (Вежбицкая 1982: 244).

В данных примерах из НКРЯ отрицательная оценка частично или полностью эксплицирована в лексическом наполнении актантной позиции объекта насмешки:

Он смеялся над дураками, которые не знали Лорку (Галина Щербакова. *Кровать Молотова*, 2001).

Не получив никакого образования, он оставался полным невеждой во всех науках, в том числе и в науке светской жизни — двор смеялся над грубостью его манер и языка (С. Цветков. *Железная маска* // «Наука и жизнь», 2007).

Смеялся над узкими специалистами — «исследователь левой ноздри усоногого рака» (Даниил Гранин. *Зубр*, 1987).

Гумилев имел большое влияние на мое творчество, он смеялся над моими робкими стихами и хвалил как раз те, которые я никому не смела показывать (Александр Ласкин. *Ангел, летящий на велосипеде* // «Звезда», 2001).

В отцовской библиотеке, в значительной степени утраченной, было множество книг по истории медицины, и он всегда любил остатки этой милой рухляди: радовался, изумлялся, иногда смеялся над фантастическими суждениями своих давно умерших коллег... (Людмила Улицкая, *Казус Кукоцкого* // «Новый Мир», 2000).

В следующих примерах в актантной позиции объекта насмешки представлены слова с общей положительной оценкой:

Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... (Борис Акунин. *Чайка* // «Новый Мир», 2000);

Гаврилов откровенно смеялся над вынужденной вежливостью коллег (Петр Акимов. *Плата за страх*, 2000).

Общая положительная оценка слов, входящих в позицию объекта насмешки (*мечты, вежливость*), отражает оценку не субъекта данного высказывания, а объекта или коллектива в целом. Вектор оценки субъекта и объекта высказывания может не совпадать и создавать конфликт оценок.

В лексическом составе позиции объекта при глаголах насмешки оценка, положительная или отрицательная, далеко не всегда выражена:

Вернулся он без денег, поселился в уединенном месте, занимался непонятными науками и смеялся над людьми, которые ищут счастья в чем-то другом (М.Л. Гаспаров. *Занимательная Греция*, 1998).

Это он, кстати, сказал мне не в Тегеране, где часто смеялся над англичанами, а в Крыму (Нодар Джин. *Учитель*, 1980—1998).

Никто не смеялся над ней, никто иронически не комментировал ее слезы соседу на ухо (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт», 1999).

В объектной позиции могут быть представлены слова, обозначающие различные социальные роли:

Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом... (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839—1841).

Он свободно вел себя во время поминальных служб, насмеялся над священниками, смеялся и громко разговаривал (Игорь Андреев. Путь к трону // «Знание — сила», 2012).

Объектом иронично-критического отношения, насмешки нередко становится сам субъект:

Как всякий интеллигент после скандала, он уже упрекал себя, насмеялся над собой, жалел о своих дурных качествах, спровоцировавших на грубости, очевидно, усталого рабочего человека (Ф. Горенштейн, Куча, 1982 // «Октябрь», 1996).

Я смеялся над собой и над ними (Даниил Гранин, Месяц вверх ногами, 1966).

Обезоруживая других, он смеялся над собой, но не слишком любил, когда это делали другие (Александр Генис, Довлатов и окрестности, 1998).

Ты расхохотался, смеялся над собой — сколько можно позволять надувать тебя, всему ты верил и веришь (О. Глушкин, Пути паромов, 1990—1999).

Глаголы издевательства имеют по сравнению с глаголами насмешки более отчетливо выраженную «внешнюю» отрицательную оценку. «Стереоскопичность» их семантики (Падучева, Зализняк 1982: 142—149) приводит к тому, что использование этих глаголов в первом лице, особенно в перформативном употреблении, равносильно «иллюкутивному самоубийству» (Вендлер 1985). Ср. некорректность высказываний типа: **Я измываюсь над вами*; **Я глумлюсь над тобой*.

Ярко выраженная отрицательная внешняя оценка, представленная в значении этих глаголов, объясняет и тот факт, что в лексическом заполнении объектной позиции преимущественно представлены слова либо без оценочного компонента, либо с положительной оценкой. Трудно считать корректными высказывания типа: **Он глумится над мерзавцами*; **Он издевался над негодяем*; **Он измывался над жестокостью* и т.п. Подтверждение этому находим в многочисленных примерах из Нового объяснительного словаря синонимов (НСС):

Его пугал и смущал беспощадно злорадный тон старика, и было странно и страшно вато: разве можно ли так издеваться над человеческой нуждой и слабостью (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей; НСС-3).

Он, глумясь над цивилизацией, порицал патриотизм и начала национальные (Н.С. Лесков, Соборяне; НСС-3).

Измываясь над всякой новизной, отставший от жизни Чернышевский отводил душу на всех новаторах, чудаках и неудачниках мира (В. Набоков, Дар; НСС-3).

В данных примерах в объектной позиции мы видим слова, предполагающие либо положительную общественную оценку (*цивилизация, новизна*), либо лексические единицы, значение которых предполагает в качестве общественной реакции в русской культуре сочувствие, жалость, но не издевательство (*нужда, слабость*).

Дифференциальный признак (ДП) ‘отношение к лицу **снизу** — **вверх**’ объединяет глаголы разных лексико-семантических групп (ЛСГ): от глаголов ‘прекло-

нения' (*преклоняться, благоговеть*) — до глаголов 'самоунижения' (*унижаться, лебезить, заискивать, угодничать*). Выделенный ДП определяет форму актантной позиции со значением лица, которая выражается с помощью именной группы **перед кем**.

Глаголы со значением '**преклонения**' маркированы стилистически. Семантика данных глаголов предполагает высокую степень уважения субъекта эмоции к лицу, являющемуся источником эмоционального отношения, причем «источник эмоции воспринимается субъектом как стоящий неизмеримо выше его в человеческом, нравственном, интеллектуальном или творческом отношении» (НСС: 125):

*...с тех пор он еще более считал себя недостойным ее, еще ниже **нравственно** склонялся **перед нею*** (Л. Толстой).

Эмоциональное состояние субъекта, выражающееся в преклонении перед другим лицом, не исключает осознанного, контролируемого, логически обоснованного отношения к этому лицу:

*Версикову она служила, как раба, и **преклонялась** перед ним, как перед папой, но **по убеждению*** (Ф. Достоевский).

В позиции субъекта при глаголах данной подгруппы могут быть как слова со значением конкретного лица, так и слова, относящиеся к морально-интеллектуальной сфере человека:

*Все лучшие **умы** России **благоговеют** перед Вашим **талантом*** (из телеэфира).

При глаголах со значением '**самоунижения**' источником эмоции является преимущественно лицо, причем, лицо, занимающее более высокое положение в обществе по сравнению с субъектом. Субъект является лицом морально униженным. В соответствии с законом наивной этики, выделяемым Ю.Д. Апресяном (Апресян 1995: 351), обществом осуждаются лица, забывающие о собственном человеческом достоинстве: все глаголы данной подгруппы содержат в своем значении отрицательную оценку, в отличие от глаголов 'преклонения'.

*<...> сдавшись, возненавидел всю эту муть с диссертацией, говорил, что лучше честно получить сто тридцать целковых, чем мучиться, надирать здоровье и **унижаться** перед нужными людьми* (Юрий Трифонов. Обмен, НКРЯ).

Несмотря на имеющиеся различия, глаголы 'самоунижения' и 'преклонения' объединяет общий элемент сознательного отношения к лицу-каузатору, проявляющийся в допустимости осознанного, часто намеренного самоуничижительного поведения:

*Как могли вы так **добровольно** унизиться перед выскочкой, перед жалким подростком!* (Ф. Достоевский).

Эта семантическая особенность рассматриваемых глаголов синтагматически выражается в их способности сочетаться с причинным предлогом **из**, который может вступать во взаимодействие только с глаголами, обозначающими контролируемые действия (Иорданская, Мельчук 1996). Ср. *унижаться перед начальником **из** желания занять хорошую должность*.

3.4. Роль коллектива в оценке и самооценке личности: синтагматический аспект

Не менее важным параметром, чем дистанция власти, является и связанный с ним параметр, отражающий разделение культур на индивидуалистические и коллективистские (Hofstede 1984, Hofstede 1991). Этот параметр, как показано исследователями, связан с разным восприятием человеком своего собственного образа — «образа себя»: в культуре индивидуалистического типа это «Я — образ», в культуре коллективистской — «Мы — образ» (Ларина, Озюменко 2016; Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017). В соответствии с этим делением русская культура характеризуется чертами, свойственными в большей степени коллективистскому типу культуры, чем индивидуалистическому.

Это утверждение имеет несколько важных следствий, которые находят отражение в языке и коммуникации. В культуре коллективистского типа «Мы» стоит выше, чем «Я», ценность человеческой личности низкая. Гораздо выше ценятся человеческие взаимоотношения, которые строятся на соблюдении принципов возрастной и социальной иерархии, взаимозависимости и взаимопомощи. Высокая значимость человеческих взаимоотношений создает условия для того, что культура приобретает черты контактной (Hall 1976), в которой, согласно Э. Холлу, высоко ценятся общительность, искренность, открытость (Вежбицкая 1996, 2005; Зализняк 2005, Ларина 2013, Larina 2015). Все эти качества способствуют формированию культуры, в которой роль контекста в коммуникации оказывается очень высокой (разграничение культур по Э. Холлу на *high-context cultures* / *low-context cultures*).

Коллективистские черты проявляются в русской культуре еще и в том, что для русских оказывается очень важным мнение других — очень важен взгляд со стороны, особенно при оценке и самооценке личности. Чтобы лучше понять суть какого-либо явления или даже значимость собственной личности, человеку нужен Другой человек, нужен авторитетный оценщик, нередко коллективный арбитр, справедливый судья. В трудные минуты жизни человек особенно нуждается в поддержке. Испытания легче переносятся не в одиночестве, а «на миру». Об этом говорит известная русская пословица, которая подчеркивает важную роль коллектива, общества в жизни человека: *На миру и смерть красна* (Даль 2000). В этой пословице слово *мир* употребляется в значении ‘все люди, весь свет, род человеческий’ (Даль 1999). Пословица имеет варианты: *На людях и смерть красна; В семье и смерть красна* (Даль 2000). Смысл пословицы и ее вариантов сводится к тому, что любые испытания и трудности переносятся легче, когда человек не в одиночестве преодолевает тяжелые жизненные ситуации, а разделяет трудности с другими. На глубинном уровне смысл пословицы состоит в том, что страдания и даже смерть ради жизни и блага других людей, которые видят, ценят и понимают это, можно легко перенести:

Пусть бы он умер со славою на ратном поле: на людях и смерть красна, а то, подумаешь, умереть одному, под ножом разбойника (М.Н. Загоскин, Юрий Милославский).

Я только себя спрашиваю, какую пользу мое присутствие может принести. А впрочем... Извольте; останусь. На людях и смерть красна (И.С. Тургенев, *Новь*).

Не надо! Давай тут останемся... На миру, знаешь, и смерть красна... (М.А. Шолохов, *Тихий Дон*).

Подтверждение мысли о значимости коллектива для самосознания человека можно найти во многих произведениях русской литературы. Так, например, в повести Н.В. Гоголя показано, как перед мученической смертью Остап *«хотел бы увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил и утешил его при кончине»* (Н.В. Гоголь, *Тарас Бульба*).

Любому человеку в принципе важно осознавать, что его «видят»: замечают, знают, ценят. Не случайно значение глагола *обидеть* изначально в русском понимании — это «обвидеть», обвести взглядом, не увидеть, ‘не заметить’. Быть «пустым местом» особенно обидно для русского человека, поэтому значимость визуальной составляющей, фактор «замеченности» человека другими людьми нередко подчеркивается в русской культуре и иногда приобретает трогательные формы:

...Я прошу Вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, Ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Пётр Иванович Бобчинский (Н.В. Гоголь, *Ревизор: Бобчинский — Хлестакову*).

Важность и значимость этого параметра находит отражение в грамматике. В тех случаях, когда человек, пытаясь оценить себя, обращается к мнению других, появляется актантная позиция ПЕРЕД КЕМ (ЧЕМ). Релевантным для синтагматики фактором оказывается оценка субъектом своих качеств, поступков, вещей, объектов разного рода, входящих в его личную сферу. Такая самооценка может быть высокой и низкой.

3.4.1. Высокая самооценка

Если субъект высоко оценивает относящиеся к его личной сфере объекты (Апресян 1995) и испытывает потребность продемонстрировать их или рассказать о них другим людям для того, чтобы они их тоже высоко оценили или испытали зависть к субъекту оценки, то эта ситуация описывается с помощью конструкции **кто / чем (кем) / перед кем**, где *кто* — субъект оценки, *чем (кем)* — объект оценки, *перед кем* — адресат, реализующийся в семантическом плане как аудитория или зритель, чье мнение в определенном смысле важно субъекту. Указанные позиции необходимы для полного, развернутого представления значения глаголов, однако в реальном употреблении некоторые позиции, потенциально входящие в актантную рамку глагола, могут остаться незаполненными.

Рассматриваемый признак высокой самооценки входит в значение глаголов разных семантических групп: 1) глаголов чувства (*гордиться, кичиться*), 2) глаголов речи (*хвастаться, хвалиться, бахвалиться*), 3) глаголов поведения (*рисоваться, щеголять*). Границы между этими группами не являются жесткими:

значение глаголов, относимых к глаголам чувства (*кичиться, чваниться*) может реализовываться в речевом и неречевом поведении субъекта.

1. Высокая самооценка в глаголах чувства. Среди глаголов чувства с высокой самооценкой обращают на себя внимание глаголы *гордиться* и *кичиться*, к ним примыкает *чваниться*. Согласно определению Ю.Д. Апресяна, приведенному в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, глаголом *гордиться* обозначается «приятное чувство, возникающее от сознания того хорошего, что сделано или достигнуто самим человеком или кем-то из близких ему людей» (НСС-1: 61), что подтверждается примерами из НСС и НКРЯ:

И прадеда скрипкой гордился твой род... (О. Мандельштам, НСС-1).

Прекрасной дочерью своей гордится старый Кочубей (А.С. Пушкин, НСС-1).

Та русская, советская наука, которую он оставлял в полном расцвете, которой привык гордиться, пропагандировал ее на Западе... (Д. Гранин, Зубр, 1987; НКРЯ).

Только тогда все будет хорошо, когда люди начнут гордиться своей страной (А. Балабанов: Я снимаю не для вечности, 2002; НКРЯ).

И пред твоими слабыми сынами / Еще порой гордиться я могу, / Что сей язык, завещанный веками, / Любовней и ревнивей берегу (В. Ходасевич, НСС).

Позиция «зрителя» далеко не всегда открывается при глаголе *гордиться*, но потенциально она заложена в его значении, особенно когда гордость проявляется в словах и поступках, т.е. тогда, когда ее можно «увидеть»:

Перед кем гордишься? Перед матерью гордишься? (из разговорной речи).

Глаголом *кичиться* обозначается не только приятное ощущение, возникающее у субъекта от того, что у него есть нечто, особенно ценное людьми (НСС-1: 61), но и более отчетливое желание продемонстрировать свое преимущество перед другими:

Есенин слагал острые песни хулигана. Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но надо всем этим трепетала совсем особая нежность неогражденной, незащищенной души (Л.Д. Троцкий, Памяти Есенина, НСС-1).

Я далек от мысли, господа, кичиться перед вами (А. Куприн, МАС).

Глагол *чваниться* имеет, как и глагол *кичиться*, резко отрицательную внешнюю оценку:

А нужно ли было чураться, / И чваниться напропалую, / И лавры, кичась, пожинать, / И всю беззаботность былую / Предательски не вспоминать? (Ю. Даниэль, НСС-1).

2. Высокая самооценка в глаголах речи. Развернутое (нередуцированное) оформление актантной структуры соответствующих глаголов будет однотипным и предсказуемым: *кто / перед кем / чем*:

Костя, мальчик лет 14, чтобы похвастать своей храбростью перед матерью и сестрой, нырнул и поплыл дальше (А.П. Чехов, НСС).

Раз я хотел похвастаться перед ними своими знаниями в литературе ... и завел разговор на эту тему (Л.Н. Толстой, НСС);

Плотно поев, бойцы курили и хвалились друг перед другом: кто оружием, добытым в бою, ... кто донским скакуном (А.Н. Толстой, НСС).

Позиция адресата (аудитория и зритель), однозначно понимаемая из ситуации, из контекста, может оставаться формально нереализованной (в стандартном формате *перед кем*):

[Демьян] пришел к Юткиным похвалиться своими покупками (Марков, ССин).

Закурив папиросу и привалившись к стенке стула, он закидывал голову назад, выпускал из носа дым, ... все хвастаясь своими удачами и словно пьянея от хвастовства (Новиков-Прибой, ССин).

Если в ситуации делается акцент на единичный речевой акт, то позиция адресата заполняется с помощью дательного падежа без предлога, что характерно для большинства глаголов речи (Гловинская 1993), при этом стоит отметить, что отрицательная оценка в такой конструкции снижается:

Фёдор Карлович мне похвастался, что у него есть новый фрак, синий, с золотыми пуговицами (А.И. Герцен, НСС-2).

Могу Вам похвастаться, что мы закончили работу в срок, несмотря на тяжелейшие условия (НСС-2).

Как отмечает Ю.Д. Апресян, в таких ситуациях основным импульсом к действию может послужить «вполне простительное желание поделиться с собеседником своей радостью» (НСС-2: 380).

Актантная позиция, предназначенная для объекта оценки, предъявляемого зрителям, может также опускаться:

Это вы, стало быть, свою эрудицию хотите показать? Нашли перед кем похваляться (А. Райкин, НСС).

Глаголы этого ряда описывают речевое поведение, нарушающее одно из традиционных правил поведения в русском социуме — правило скромности. Именно поэтому данные глаголы речи, содержащие ДП «внутренней» высокой самооценки, одновременно являются в русском языке словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, по Ю.Д. Апресяну.

Естественно было бы предположить, что объект со значением содержания положительной самооценки должен выражаться при этих глаголах с помощью слов позитивной семантики: *хвалиться победами, успехами, званиями, титулами, наградами* и т.п. Но здесь также может произойти описанный ранее конфликт оценок:

Были офицеры, которые хвалились жестокостью своего обхождения с солдатами, именно в этом видя истинную дисциплину (Е. Тарле, НСС-2).

Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, хвастаем своим кабачным героизмом (А.Н. Островский, МАС);

[Юшка] стал открыто хвастаться своим бездельем и похотливостью, курить и пить, сколько влезет (И.А. Бунин, НСС-2)

3. Глаголы поведения с высокой самооценкой субъекта. Позиция «зритель» требуется для глаголов поведения разной стилистической окраски: *выпендриваться перед кем, выставляться, понтоваться, рисоваться, красоваться, щеголять, форсить, бравировать, пижонить, распускать хвост; ходить гоголем; позировать, кокетничать; задаваться, важничать, фанфаронить* и др.

В качестве зрителя (аудитории) иногда может выступать и сам субъект:

*...у недалеких и самолюбивых людей бывают моменты, когда сознание, что они несчастны, доставляет им некоторое удовольствие, и они даже **кокетничают перед самими собой** своими **страданиями** (А.П. Чехов).*

В ряде случаев объект оценки может быть инкорпорирован в семантику глагола:

*...сначала они оба **важничали и дулись друг перед другом** нестерпимо (Н.В. Гоголь).
...ему досталось наследство..., а так как у нас все почти были бедные, то он **перед нами стал фанфаронить** (Ф.М. Достоевский).*

3.4.2. Низкая самооценка и ее отражение в актантной рамке глагола

Негативная «внутренняя» самооценка требует иного оформления объектной позиции («причины стыда»): **кто стыдится чего (за что) перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться чего-н. перед кем-н.; конфузиться (чего-н.) перед кем-н.:**

*А тут и та и другая не нарушаются: **совеститься перед обществом** нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч (Л.Н. Толстой. Крейцера соната).*

Совеститься перед уголовным законом или бояться его тоже нечего (Л.Н. Толстой. Крейцера соната, НКРЯ).

Позиция адресата может при этом не замещаться, но семантически она значима:

*...после рыданий, **стыдясь** красных глаз, я отыскивал такого старца... (В. Набоков).*

*Я подозревал, что поручик **стесняется** старушки-матери, ее старомодного пальто и ее беспомощности (К. Паустовский).*

При глаголах со значением '**моральной неудачи**' (срамиться / осрамиться, оскандалиться, ославиться, обесчеститься, оконфузиться, сплеховать, оплошать, опростоволоситься (разг.), замараться, скомпрометировать себя, сесть в лужу перед кем) важную роль играет социальный статус лица-каузатора эмоций (командир, начальник, отец). Ср. примеры из НКРЯ:

*На всю жизнь у меня осталось яркое воспоминание о том, как я однажды **оскандалился перед отцом** во время чтения стихотворения Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (А.Л. Чижевский. Вся жизнь).*

*На одном занятии по физподготовке Перепелица так **оскандалился перед командиром роты**, что вспоминать стыдно (И.Ф. Стаднюк. Максим Перепелица).*

Значимой для ситуации «позора» может оказаться степень знакомства или гендерный фактор:

*Как бы не **осрамиться** ему **перед новым человеком!** (Л. Толстой, Анна Каренина).*

*И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своей красотой, парадной и **кокетливой дамой**, — как он **опозорился перед ней!** (Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь).*

Александрова в ужасе переводила затравленный взгляд с меня на Позднякова, который невозмутимо сидел у двери на табурете и внимательно рассматривал свои ботинки, будто больше всего на свете боялся сейчас опростоволоситься перед лаборанткой, представ перед ней в забрызганных башмаках, что было бы недопустимым разгильдяйством и недисциплинированностью (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха).

Все эти факторы далеко не всегда играют решающую роль. Можно сказать, что степень морального падения субъекта тем ниже, чем больше было свидетелей этого падения, поэтому *опозориться перед начальником*, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее значительным событием, чем *опозориться перед коллегами, коллективом, перед людьми*, поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая неизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо:

Я ее оконфужу!... перед публикой оконфужу! (А. Писемский, Тысяча душ).

И тот смоленский паренек, прокладывавший тридцать лет назад первую борозду в Казахской степи, делал это, ощущая себя в первую очередь посланцем своих земляков, и работал, и вел себя так, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, чтобы не опростоволоситься перед родной стороной, старым домом, друзьями, ровесниками, родителями, наконец (Владимир Захаренков. Спешите к своей ветле // «Природа и человек», 1983).

При подчеркивании визуальной составляющей «морального падения» позиция адресата/зрителя *Перед кем* может заменяться позицией *На глазах у кого* или *На виду у всех*:

Такой трус оказался, что опозорился на глазах у генералов, офицеров и солдат охраны (Анастас Микоян, Так было, НКРЯ).

Другая вариативная возможность для оформления данной позиции состоит в том, что при указании на конкретное место, где было много людей, может использоваться предложно-падежная форма *на + вин. падеж*: *на всю страну, на весь город* и т.п.:

Ее муж опозорился на весь Судан — украл экзаменационную тему, чтобы помочь дочери поступить в колледж (Ю.М. Нагибин, Дневник).

Мое самолюбие было жестоко уязвлено, я понимал: даже если следствие не поднимется, оскандалился на весь лестромхоз (С.М. Голицын, Записки уцелевшего).

Низкая оценка субъектом своих поступков может послужить причиной для **раскаяния**, при этом позиция лица, перед которым субъект чувствует свою вину (валентность адресата/аудитории), выражается при глаголах «раскаяния» (*каяться, виниться, повиниться*) также с помощью предложно-падежной группы **перед кем** (*кто кается в чем перед кем*). Значение данных глаголов предполагает, что, совершив плохой поступок и испытывая неприятное чувство из-за этого, субъект говорит лицу, которое пострадало от его действий, что он совершил плохой

поступок, причем; он говорит это, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание за свои деяния (НСС-3: 146):

*А как хорошо после ссоры помириться, самой **перед ним повиниться*** (Ф.М. Достоевский, Записки из подполья).

*Во всем я **передо всеми повинилась*** (Н.С. Лесков, Некуда).

Действие, связанное с раскаянием, может быть в какой-то степени ритуализовано. «Оно предполагает определенные внешние формы выражения, например, покаянные слова, особую жестикуляцию и т.п. Кающийся человек, особенно испытывая бурные чувства или при большой аудитории, может бить себя в грудь, громко себя ругать, давать клятвы, обещать исправиться и т.п.» (НСС-3: 147):

*Он страшно **каялся**, падал на колени и рвал на себе волосы* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

*Баглюк, конечно, **покаялся**, бил себя в грудь, **извинялся*** (А. Маринина, НСС-3).

*Я маленький, я, бедный слепец, ныне прозревший, падаю на колени и **каюсь перед тобой*** (В. Набоков, Истребление тиранов).

Поскольку значение данных глаголов предполагает речевую реализацию раскаяния, то позиция адресата может оформляться и стандартным способом, то есть с помощью дательного падежа без предлога (*покаяться, повиниться кому*):

*Мне нужно **покаяться именно вам!** — Что я вам, поп? — Выше! Бог!* (Б. Штерн).

*Ревнив я, как собака. **Каюсь тебе**, как другу моему* (А.П. Чехов, Хитрец)

Если предполагаемый адресат «речевого раскаяния» — коллективный, то соответствующая актантная позиция оформляется только в виде **перед кем**:

*...И Бухарин поверил, оживился, охотно **каялся перед Пленумом**, тут же снял голодовку* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Ср. *Он охотно каялся Пленуму...

*И вот — я должен **покаяться перед человечеством**: эта злосчастная вилла была снята не только при моем участии, но даже по моему настоянию* (В. Ходасевич, Горький).

Ср. *Я должен покаяться человечеству...

Близкими по значению к глаголам «раскаяния» оказываются глаголы со значением ‘**признания**’ и ‘**оправдания**’: *признаваться, сознаваться, открываться, исповедоваться, оправдываться в чем перед кем* и др. При этом объектная позиция «содержания вины» далеко не всегда представлена в реальных высказываниях, что подтверждают примеры из НСС и НКРЯ:

*Еще бы, какая наглость! **Оправдываются! Перед пролетарским судом** можно только **признаваться, разоружаться и просить пощады*** (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

*Ну вот, теперь, когда я совершенно **открылся перед** моим предполагаемым, воображаемым **читателем**, можно и **продолжать*** (Ю. Даниэль, Говорит Москва).

*Ольга Яновна Стаклэ... **исповедовалась перед дядей Костей и тетей Мери*** (Л. Успенская).

*Объяснять этот случай нежеланием **признаться в своем бессилии перед властями** нельзя: Горький в ту пору даже любил рассказывать о таком бессилии* (В. Ходасевич, Горький).

*Я должен **перед вами сознаться*** (А. Вампилов, Прощание в июне).

Адресатом признания нередко становится сам субъект:

*Зачем она с таким упорством не желала **сознаться перед собою** в том, что с самого начала ей ясна была причина его приезда?* (В. Каверин).

*С папенькой твоим мне меньше пришлось возиться, и **открылся он** в конце концов, а ты **выкручиваешься перед сами собой!*** (Ю. Алешковский).

Таким образом, можно заключить, что негативная самооценка, представленная в значении глагола, так же, как и позитивная, требует для своей реализации «взгляда со стороны» — позиции адресата, которая может конкретизироваться как позиция Зрителя, Аудитории, Судьи.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что данный подход к изучению глаголов эмоционального отношения выявляет «оценочную ориентацию» языка. Изучение глагольной семантики в ее проекции на синтагматические свойства позволяет приблизиться к пониманию «сценария» развития и проявления эмоции, дает новый ракурс для раскрытия национально-специфического мировидения. «Эмоциональность» как компонент смыслового универсума русского языка проявляется в грамматической структуре языка, в частности, в том, что русские «эмоциональные» глаголы, обозначающие отрицательные эмоции по поводу прошлых событий, сближаются с ментальными глаголами, т.е. связываются с чувством через продолжительный мыслительный процесс, что находит отражение в синтагматике — в способе обозначения актантной позиции объекта при глаголе.

Было бы безусловной натяжкой и преувеличением считать, что во всех случаях поверхностного оформления актантных позиций проявляется национальный способ мировидения, отражаются те или иные культурные ценности, тем не менее, общеизвестен и тот факт, что коллективная личность проявляется в языке, прежде всего в системе идей и оценок. Оценка, как положительная, так и отрицательная, не может не влиять на грамматическую оформленность высказываний. Нетрудно заметить, что релевантной в указанном смысле может быть и «внешняя», и «внутренняя» оценка. «Внутренняя» оценка проявляется, в частности, в глаголах, выражающих отношение к собственным поступкам, качествам. Характерно то, что в актантную рамку таких глаголов включается позиции не только объекта оценки (самооценки), но и позиция для обозначения «аудитории», вернее, «зрителя», перед которым как бы разворачивается «представление». Очевидно, что человек может высоко оценивать свои собственные поступки, действия, качества. Но в этом случае ему бывает недостаточно собственной высокой оценки, требуются восхищенные (или завистливые) взгляды других людей, и тогда возникает потребность *хвалиться удачной сделкой перед соседями, хвастать своими доходами перед коллегами, кичиться своими победами перед знакомыми, бахвалиться богатством перед родственниками* и т.п. Разумеется, правила, которые могут быть сформулированы в этой сфере, не далеко не всегда имеют абсолютно жесткий характер, поскольку в лексическом значении слова взаимодействуют разные семантические признаки, выводящие на различные синтагматические модели. Однако данный

подход может предложить достаточно точные ориентиры выбора способа оформления актантных позиций при глаголах самооценки.

Продолжение исследования в выбранном направлении могло бы способствовать развитию «сравнительной аксиологии» и, в конечном счете, привести, по мысли В. Гумбольдта, к созданию всемирной истории мыслей и чувств человечества, в которой было бы отражено, как разум и мировосприятие народов земли находят способы для решения важных языковых задач.

© Л.И. Богданова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. [Apresyan Yu.D. (1967) *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* (Experimental study of the semantics of the Russian verb) Moscow: Nauka (In Russ)].
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Том 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995 [Apresyan, Yuriy D. (1995). *Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* (Integral description of the language and systemic lexicography). *Izbr. trudy v dvux t.t. Tom 2.* Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» (In Russ).].
- Апресян Ю.Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresyan, Yu.D. (2010) *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* (Theoretical problems of Russian syntax. Interaction of grammar and vocabulary) Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (In Russ)]
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. [Arutyunova, Nina D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka* (Language and world of man). Moscow: Yazyki russkoj kultury (In Russ)].
- Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л. Языковое сознание: региональный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 232—250. [Balyasnikova, O.V., Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A., Chulkina, N.L. (2018). *Language and Cognition: Regional Perspective. Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 232—250. (In Russ)].
- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. / Перевод с польского. Составитель и отв. редактор С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. [Bartmin'skiy, E. (2005). *Yazykovoj obraz mira: ocherki po etnolingvistike* (Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics) / *Perevod s pol'skogo. Sostavitel' i otv. redactor S.M. Tolstaya.* Moscow: Indrik. (In Russ)].
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 20. № 4. С. 729—748. [Bogdanova, L.I. (2017). *The Reflection of Estimations and Values in Russian Language Dictionaries. Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 729—748. (In Russ)]
- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // *Логический анализ языка. Язык речевых действий* / Под ред. Арутюновой Н.Д. М.: Наука, 1994. С. 49—59. [Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1994). *Otsenochnyye rechevyie akty izvne i iznutri* (Speech acts from outside and from within). In N.D. Arutyunova (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevyh deystviy.* Moscow: Nauka, 49—59 (In Russ)].

- Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М.: Прогресс, 1982. С. 237—262. [Wierzbicka, Anna (1982) Deskriptsiya ili tsitatsiya (Descriptiveness or citation). In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. XIII. М.: Progress, 237—262 (In Russ)].
- Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. М.: Прогресс, 1985. С. 303—341. [Wierzbicka, Anna (1985) The Case of the Surface Case. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, XV, 303—341. М.: Progress (In Russ)].
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. [Wierzbicka, Anna (1996). Language. Culture. Cognition / M.A. Krongauz. М.: Russkie slovari (In Russ)].
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. [Wierzbicka, Anna (1999). Semantic universals and description of languages / Pod red. T.V. Bulyginoi. М.: Yazyki russkoi kul'tury (In Russ)].
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2001. [Wierzbicka, Anna (2001). Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki (Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics). М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur (In Russ)].
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М., 2005. С. 467—499. [Wierzbicka, Anna. (2005). Russkie kulturnyie skripty i ih otrazhenie v yazyke (Russian cultural scripts and their reflection in the language) In Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelyov A.D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. М., 467—499. (In Russ)].
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 238—250 [Vendler, Zeno (1985). Illokutivnoe samoubiistvo (Illocutionary suicide) *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Вып. 16. Moscow: Progress, 238—250 (In Russ)].
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 175—194. [Volkova, Yana A., Panchenko, Nadezhda N. (2018). Discourse Variation of the Concepts of Destructive Emotions. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 175—194. (In Russ)].
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002 [Volf, E.M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki*. (Functional evaluation semantics). М.: Editorial URSS (In Russ)].
- Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993 [Glovinskaya, M.Ya. (1993). Semantika glagolov rechi s tochki zreniya rechevykh aktov (Semantics of verbs of speech from the point of view of speech acts) In *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Moscow (In Russ)].
- Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen: Sagner, 1992 [Zaliznyak, Anna A. (1992). Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya (*Studies on the semantics of inner state predicates*). Munchen: Sagner (In Russ)].
- Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М., 2005. С. 280—288. [Zalizniak, Anna A. (2005). Zametki o slovah: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva, jemocii (Notes about words: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva). In Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Kljuchevye idei russkoy jazykovoj kartiny mira*. Moscow, 280—288. (In Russ)].

- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов // *Московский лингвистический журнал*. Т. 2. М., 1996. С. 162—211. [Iordanskaya, L.N., Mel'chuk, I.A. (1996). K semantike russkikh prichinnykh predlogov (To the semantics of Russian causal prepositions). *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, 2. 162—211 (In Russ)].
- Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории — к практике // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 7—10. [Ionova, Svetlana and Larina, Tatiana (2015). Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. *Russian Journal of Linguistics*, (1), 7—10. (In Russ)]
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. РАН, 1998 [Karaulov, Yuriy N. (1998). *Aktivnaya grammatika I assotsiativno-verbal'naya set'* (Active Grammar and Associative-Verbal Network). Moscow: Vinogradov Russian language Institute. (In Russ)].
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб: Петербургское востоковедение, 2004 [Kolesov, V.V. (2004). *Jazyk i mental'nost'*. (Language and mentality). SPb: Peterburgskoe vostokovedenie (In Russ)].
- Лангаккер Р.В. Модель, основанная на языковом употреблении // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 1977. № 4. С. 160—174. [Langacker, Ronald W. (1977). A model based on language use. *Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology* (4), 160—174. (In Russ)].
- Ларина Т.В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // *Cuadernos de Rusística Española*. 2013. № 9. С. 193—204. [Larina, Tatiana (2013). Communicative ethnostyle as a way of systematizing ethno-cultural features of behavior. *Cuadernos de Rusística Española*, (9), 193—204. (In Russ)]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // *Cuadernos de Rusística Española*. 2016. № 12. С. 57—68. [Larina, Tatiana V., Ozjumenko, Vladimir I. (2016). Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*, (12), 57—68. (In Russ)].
- Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. [Miloslavsky, Igor G. (2015). *Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo jazyka* (Practical Grammar of the Russian Language). Moscow: Librokom. (In Russ)].
- Милославский И.Г. О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 373—388. [Miloslavsky, Igor G. (2018). Russian Grammar for Reception and Production: Main Differences. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 373—388. (In Russ)]
- Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: СПбГУ, 1994. [Norman Boris Yu. (1994). *Grammatika govoryashchego* (Grammar of the speaker) SPb: SPbGU (In Russ)].
- Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта. Наука, 2013. [Norman, Boris Ju. (2013). *Kognitivnyj sintaksis russkogo jazyka*. (Cognitive syntax of the Russian language). Moscow: Flinta. Nauka. (In Russ)].
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // В кн.: *Анна Вежбицкая «Язык. Культура. Познание*. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. С. 5—32. [Paducheva, E.V. (1996) Fenomen Anny Wierzbickoj (The phenomenon of Anna Wierzbicka) In *Anna Wierzbicka «Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Отв. ред. М.А. Krongauz. М.: Russkie slovari. 5—32 (In Russ)].
- Падучева Е.В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*. Сб. статей к 60-летию Ю.М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 142—149 [Paducheva, E.V., Zalizniak, Anna A. (1982). Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa (Semantic phenomena in statements from the first person). In: *Finitis duodecim lustris*. Sb. statei k 60-letiyu Yu.M. Lotmana. Tallinn, 142—149 (In Russ)].

- Талми Л. Отношение грамматики к познанию // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 1999. № 1. С. 91—115. [Talmy, Leonard (1999). Otnoshenie grammatiki k poznaniyu (The ratio of grammar to cognition). *Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology*, (1), 91—115 (In Russ)].
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Школа «Языки русской культуры». [Telija, V.N. (1996). *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspektu* (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects). M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury». (In Russ)].
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988 [Tesniere, Lucien (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* (The Basics of Structural Syntax). Moscow: Progress (In Russ)].
- Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж, 2001. С. 65—71. [Ufimtseva, N.V. (2001). Sopostavitel'noe issledovanie jazykovogo soznanija slavjan (Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs) In *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*. Voronezh. P. 65—71. (In Russ)].
- Филлмор Ч. Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495. [Fillmore, Charles J. (1981) Case about the case. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, issue X. Moscow: Progress. 369—495. (In Russ)].
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. [Shherba, Lev V. (1974). *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* (Language system and speech activity). L.: Nauka (In Russ)].
- Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.
- Evans, Vyvyan (2006). *Cognitive linguistics*. Edinburgh University Press, 2006.
- Fillmore, Charles J. (1969). Types of lexical information. In *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht.
- Fillmore, Charles J., Atkins, B. (1992). Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors. In A. Lehrer, E. Kittay (eds.). *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum. 75—102.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520.
- Hall, Edward (1976). *Beyond Culture*. N.Y., Doubleday.
- Heringer, H.J. (1984) Neues von der Verbscene. In *Pragmatik in der Grammatik*. Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache 1983. Düsseldorf, 34—64.
- Hofstede, Gerard Hendrik (1984). *Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values*. Beverly Hills.
- Hofstede, Gerard Hendrik (1991). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Jackendoff, Ray (2007). *Language, consciousness, culture: essays on mental structure*. N.Y.
- Kintsch, Walter (1977). *Memory and Cognition*. N.Y.: Wiley.
- Kluckhohn, Florence, Strodtbeck, Fred (1961). *Variations in Value Orientations*. Connecticut: Greenwood Press.
- Lakoff, George (1986). Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago. 152—167.

- Langacker, Ronald Wayne (1991). *Concept, Image, and Symbol. The cognitive Basis of Grammar*. Berlin—N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Langacker, Ronald Wayne (2000). *Grammar and Conceptualization*. Berlin; N.Y., 2000.
- Lange, K.-P. (1985). *Language and Cognition*. Tübingen, 1985.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. In *International Review of Pragmatics, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres*, 195—215.
- Larina, Tatiana, Mustajoki, Arto, Protassova, Ekaterina (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London / New York: Routledge, 7—19.
- Larina, Tatiana, Ozyumenko, Vladimir and Kurteš, Svetlana (2017). I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, issue 1, 2017, 109—128.
- Minsky, Marvin (1975). Framework for Representing Knowledge. In: Patrik Henry Winston (ed.). *The Psychology of Computer Vision*. McGraw-Hill, New York.
- Schwarz-Friesel, Monika (2015). Language and Emotion. The cognitive linguistic perspective. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). Amsterdam, John Benjamins, 157—173.
- Wierzbicka, Anna (1988). *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamin's.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna and Goddard, Cliff (2014). *Words and Meanings: Lexical semantics across domains, languages and cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- Даль 1999 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. т. М.: Русский язык, 1999. [Dal', V.I. (1999) *Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka*. V chetyryokh tomakh. Moscow: Russkij jazyk, 1999].
- Даль 2000 — Даль В.И. Пословицы русского народа (1853 г.). М.: Эксмо-Пресс, 2000 [Dal' 2000 — Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda (1853 g.)*. М.: Eksmo-Press, 2000].
- МАС: Словарь современного русского литературного языка в четырех томах. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1999 [MAS: *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v chetyrekh tomakh*. Т. 1—4. Moscow: Russkiy yazyk, 1999].
- НСС: Новый объяснительный словарь синонимов: концепции и типы информации. Проспект. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Русские словари, 1995. NSS: [Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov: kontseptsii i tipy informatsii. Prospekt. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Aprenyana. Moscow: Russkie slovari, 1995].
- НСС-1: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999 [NSS-1: *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Pervyi vypusk. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Aprenyana. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999].
- НСС-2: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. [NSS-2: *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Vtoroi vypusk. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Aprenyana. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000].

- НСС-3: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. [NSS-3: Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Tretii vypusk. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003].
- РСС: Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб: ИЛИ РАН, 1996. [RSS: Gorbachevich K.S. Russkii sinonimicheskii slovar'. SPb: ILI RAN, 1996].
- ССин: Словарь синонимов современного русского литературного языка. Отв. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1—2. М.: Астрель, АСТ, 2001 [SSin: Slovar' sinonimov sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Otv. red. A.P. Evgen'eva. T. 1—2. Moscow: Astrel', AST, 2001].
- ТИСРГ: Толковый идеографический словарь русских глаголов. Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: УрГУ, 1997. [TISRG: Tolkovyi ideograficheskii slovar' russkikh glagolov. Pod red. L.G. Babenko. Ekaterinburg: UrGU, 1997].
- ТКС: Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. [TKS: Mel'chuk I.A., Zholkovskii A.K. Tolkovo-kombinatornyi slovar' russkogo yazyka. Vena: Wiener Slawistischer Almanach, 1984].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru *NKRYa* — Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // www.ruscorpora.ru.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 августа 2018

Дата принятия к печати: 03 октября 2018

Article history:

Received: 01 August 2018

Revised: 07 September 2018

Accepted: 03 October 2018

Для цитирования:

Богданова Л.И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 844—873. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873.

For citation:

Bogdanova, Liudmila (2018). Evaluative Senses in Russian Grammar (on the Basis of Verbs of Emotional Attitude). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 844—873. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873.

Сведения об авторе:

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА БОГДАНОВА, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доктор филологических наук, профессор; член редколлегии журнала «Вестник Российского университета. Серия: Лингвистика». *Сфера научных интересов*: грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи. Разрабатывает направление, связанное с описанием русского языка для речевых действий

Контактная информация: libogdanova1@mail.ru

Bionote:

LIUDMILA I. BOGDANOVA, Professor of the Department of Comparative Studies of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; Doctor of Philology, Professor.

Contact information: libogdanova1@mail.ru